



Майн Рид

Белый вождь

Перевод с английского
Э. Березиной, Раисы Облонской

ФТМ



Томас Майн Рид

Белый вождь

«ФТМ»

1855

Майн Рид Т.

Белый вождь / Т. Майн Рид — «ФТМ», 1855

ISBN 978-5-4467-2653-0

«Это случилось в глубине Американского континента, более чем за тысячу миль от обоих океанов. Поднимитесь со мною вон на ту гору и с ее снеговой вершины посмотрите вокруг. Вот мы уже на самом высоком гребне. Что же мы видим? На север, пересекая тридцать параллелей, до самых берегов Северного Ледовитого океана, тянутся горы. Они беспорядочно громоздятся на юге: цепи их то расходятся, то сплетаются в узел. И на западе тоже горы; их неровные очертания четко вырисовываются в небе, а у подножий раскинулись широкие плоскогорья...»

ISBN 978-5-4467-2653-0

© Майн Рид Т., 1855

© ФТМ, 1855

Содержание

Глава I	5
Глава II	7
Глава III	11
Глава IV	14
Глава V	18
Глава VI	22
Глава VII	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Майн Рид

Белый вождь

Глава I

Это случилось в глубине Американского континента, более чем за тысячу миль от обоих океанов.

Поднимитесь со мною вон на ту гору и с ее снеговой вершины посмотрите вокруг.

Вот мы уже на самом высоком гребне. Что же мы видим?

На север, пересекая тридцать параллелей, до самых берегов Северного Ледовитого океана, тянутся горы. Они беспорядочно громоздятся на юге: цепи их то расходятся, то сплетаются в узел. И на западе тоже горы; их неровные очертания четко вырисовываются в небе, а у подножий раскинулись широкие плоскогорья.

А теперь обернемся на восток. Ни одной горной вершины! Ни одной – насколько хватает глаз и еще на тысячи миль. Вон та темная линия, встающая на горизонте, – это лишь скалистый край другого плоскогорья, такой же прерии, только приподнятой чуть выше над уровнем моря.

Где же мы? На какой вершине? На Сьерра-Бланка, которую охотники называют «Испанский пик». Мы на западной окраине Великих Равнин.

На востоке глаз не встречает никаких признаков цивилизации. Можно ехать целый месяц и все равно не встретить их. На севере, на юге – лишь горы да горы.

Не то на западе. В подзорную трубу вы разглядите вдалеке возделанные поля, протянувшиеся вдоль берегов сверкающей на солнце реки. Это поселения Новой Мексики, оазис, питаемый водами Рио дель Норте. Но события, о которых пойдет речь, развернулись не здесь.

Взгляните снова на восток – и место действия будет перед вами. От подножия горы, на которой мы стоим, простирается далеко на восток плоскогорье. Здесь нет предгорий, оно вплотную подходит к горному кряжу; один шаг – и под ногами у вас уже не ровная земля, а скалистый, поросший сосною склон.

Плоскогорье это не назовешь однообразным. Местами, где разрослась невысокая густая трава, оно ярко-зеленое, но большая часть его бесплодна, точно пустыня Сахара. Вот лежит бурая, выжженная солнцем земля, на которой не видно ни травинки, а там – рыжие пески, а еще дальше все бело, как снег, покрывающий вершину, на которой мы стоим, – это на поверхность проступила соль.

Скудная растительность не одевает землю зеленым нарядом. Листья агавы испещрены багровыми пятнами, тусклая зелень кактусов кажется еще безжизненней оттого, что они сплошь покрыты колючками, Острые листья юкки посерели от пыли и напоминают связки заржавленных штыков; низкорослая, чахлая акация почти не дает тени, и под ней едва могут укрыться большие темные ящерицы и гремучие змеи. То тут, то там одиноко стоит карликовая пальма с голым стволом и пучком листьев на вершине; она придает пейзажу что-то африканское. Глаз всегда быстро устает от картины, где предметы кажутся угловатыми и колючими, а здесь так выглядят не только деревья, но и все растения, и даже у каждой травки свои шипы.

С какой радостью обращаешь взгляд к чудесной долине, уходящей к востоку от подножия горы! Как не похожа она на это бесплодное плоскогорье! Она сплошь устлана ковром яркой зелени, усеянным цветами, которые сверкают всеми красками, словно драгоценные камни. Так и манят к себе тенистые рощи, где сплетают свои ветви тополь, китайское дерево, дуб, ива. Спустимся же под их сень.

Вот мы и у края плоскогорья, а долина все еще далеко внизу, до нее по меньшей мере тысяча футов, но со скалы, которая нависает над нею, можно окинуть взглядом всю ее на мно-

гие мили. Она такая же плоская, как и плоскогорье, лежащее выше; и, глядя на нее сверху, представляешь себе, что здесь земная кора раздалась и часть плоскогорья, опустившись вниз, коснулась самых истоков животворной силы земли, которой лишено высокое плоскогорье.

По обе стороны долины, на сколько хватает глаз, протянулись отвесные скалы; они спускаются крутыми тысячефутовыми уступами и почти неприступны; взобраться на них можно лишь в некоторых местах. Ширина долины десять миль, а каменные стены, ограждающие ее, одинаковой высоты и похожи друг на друга, как близнецы. Мрачные и дикие, нависают они над приветливой, сияющей долиной, и она напоминает прекрасную картину в грубой, топорной раме.

Река делит долину надвое; серебряной змейкой она извивается то вправо, то влево, словно ей любо струиться меж этих ярких и веселых берегов. Бесконечные изгибы, спокойное течение свидетельствуют о том, что ложе ее почти гладкое. Берега ее поросли лесом, но не сплошь: здесь он тянется широкой полосой, там по самому краю берега стоят редкие деревья, едва затеняя реку, а вон виднеется зеленый луг – он сбежал к самой воде.

То тут, то там разбросаны небольшие рощи. Они все разные: одни совсем круглые, другие – продолговатые или овальные, а третьи изогнуты, как рог изобилия. Кое-где деревья растут в одиночку; их пышная крона говорит о том, что природа не пожалела на нее сил. Эта долина наводит на мысль о прекрасном парке, насаженном рукой человека, и деревьев здесь как раз столько, чтобы украсить парк, не скрывая его прелести.

Неужели здесь нет дворца или замка, который дополнил бы картину? Нет, ни дворца, ни какого-либо жилища; ни единый дымок не поднимается к небу. Ни души не видно в этом диком раю. Здесь бродят стада оленей, в тенистых рощах отдыхают величественные лоси, но людей здесь нет. Быть может, нога человека никогда...

Но нет! Наш спутник говорит совсем другое. Слушайте:

«Это долина Сан-Ильдефонсо. Сейчас она необитаема, но было время, когда ее населяли цивилизованные люди. Почти посередине долины там и тут видны какие-то беспорядочные груды. На них буйно разрослись сорные травы, деревья, но взгляните – и вы поймете, что это развалины города.

Да, когда-то на этом месте был большой, богатый город. Здесь стояла крепость, и на башнях ее реял испанский флаг. Была здесь и миссия, основанная отцами иезуитами, а по всей долине, вокруг города, поселились богатые владельцы рудников и асиенд. Всюду деловито сновал народ, всюду кипели страсти – любовь и ненависть, честолюбие, алчность и месть. Сердца, горевшие ими, давно уже перестали биться, и дела, ими порожденные, ни один летописец не запечатлел на бумаге. Они живут лишь в рассказах, в легендах, похожих более на вымысел, чем на быль.

И, однако, этим легендам не больше ста лет. Сто лет назад с вершины этой горы можно было увидеть не только поселение Сан-Ильдефонсо, но и еще множество городов, поселков, деревень, а ныне на их месте не заметишь и следов человеческого жилья. Самые имена этих городов забыты, и их история погребена среди развалин.

Индейцы жестоко отомстили убийцам Монтесумы¹. Если бы саксы позволили этой войне, этой мести бушевать еще столетие... нет, даже полстолетия, от потомков Кортеса и от его воинов-завоевателей не осталось бы и следа на земле Анауака².

Слушайте же легенду Сан-Ильдефонсо!»

¹ Монтесума – вождь ацтеков в Мексике. Убит во время завоевания Мексики испанцами в 1520 году.

² Анауак – южная часть мексиканского нагорья, область формирования союза ацтеков; по-ацтекски означает «страна у воды».

Глава II

Пожалуй, ни в одной стране нет столько религиозных праздников, как в Мексике. Считается, что церковные праздники помогают обратить местное население в христианскую веру, поэтому на мнимосвятой мексиканской земле святцы значительно расширены. Редкая неделя обходится без празднества со всеми его атрибутами: тут и хоругви, и процессии, и священники в торжественном облачении, точно для представления «Писарро»³, и духовые ружья, и фейерверки, и повсюду обнажают головы и прямо в пыли преклоняют колена простодушные жители. Все вместе это очень напоминает лондонские шествия в память «порохового заговора»⁴ и почти столь же благотворно влияет на нравственность населения.

Конечно, святые отцы затевают эти церемонии не просто для развлечения – вовсе нет. У них имеются в запасе разные небольшие молитвы, индульгенции⁵, святая вода, и всем этим они во время праздников оделяют верующих, притом отнюдь не безвозмездно; и когда несчастному грешнику приходит охота покаяться, его основательно обирают, зато ему обещают короткий и легкий путь прямо в рай.

Казалось бы, церемонии эти должны быть исполнены торжественности – ничуть не бывало. Они становятся, в сущности, просто развлечением. Зачастую увидишь коленопреклоненного богомольца, который изо всех сил старается унять боевого петуха, спрятанного в складках серапе и порывающегося закукарекать. И это – под священными сводами храма господня!

В дни празднеств богослужения длятся недолго, а затем вступают в свои права азартные игры, скачки, травля медведей собаками, петушинные бои и другие столь же неприхотливые забавы. Среди игроков вы встретите и священника в сутане, который утром читал молитвы, и, если угодно, можете поставить свой доллар или дублон против его монеты.

Один из самых торжественных и пышных праздников в Мексике – день святого Иоанна. В этот день, особенно в деревнях Новой Мексики, никто не остается дома. Нарядные толпы направляются к какому-нибудь определенному месту, обычно на соседний луг, чтобы полюбоваться самыми разными состязаниями: скачками, погоней за быком, петушиными гонками. В перерывах играют в карты, курят, любезничают с девушками.

В дни празднеств устанавливается некоторое подобие равенства, точно при республике. Богатый и бедный, знать и простонародье – все смешалось в толпе, все развлекаются вместе.

* * *

Сегодня день святого Иоанна. На широком зеленом лугу, что раскинулся за окраиной города, собрались жители Сан-Ильдефонсо. Здесь по праздникам всегда происходят игры, и скоро они начнутся. А пока давайте побродим в толпе и посмотрим, из кого она состоит.

Тут представлены все слои общества, вернее – всё здешнее общество.

Вот торопливо идут два тучных святых отца из миссии, в сутанах грубой саржи, с четками и крестами, свисающими до колен; у обоих блестят тщательно выбритые тонзуры. Индейцу-апаху не удалось бы пожить их скальпами.

³ «Писарро» – принадлежащий знаменитому английскому драматургу Р. Б. Шеридану перевод пьесы немецкого драматурга А. Ф. Коцебу (1761–1819) «Испанцы в Перу».

⁴ «Пороховой заговор» – неудавшееся покушение католиков на английского короля Иакова I в 1605 году. В день открытия сессии парламента в подвале парламента инициаторы заговора собирались взорвать бочки с порохом. Заговор был раскрыт, а вожаки казнены. С тех пор долгое время в день раскрытия заговора, 5 ноября, по Лондону носили чучело Гая Фокса – вожака заговорщиков.

⁵ Индульгенция – папская грамота об отпущении грехов; индульгенции продавались католической церковью за деньги.

А вот священник городской церкви в длинной черной сутане, в широкополой шляпе, в черных шелковых чулках и туфлях с пряжками – его сразу заметишь. Он то милостиво улыбается толпе, то метнет в нее хитрый и злобный взгляд черных глаз, то, помогая вновь прибывшей сеньоре занять место, выставит напоказ свои холеные, унизанные перстнями пальцы. Поистине они великие дамские угодники, эти непорочные служители мексиканской церкви.

Мы подошли к скамьям, которые поднимаются амфитеатром, в несколько рядов. Посмотрим, кто же здесь расположился. С первого взгляда ясно, что это цвет общества, местная аристократия. И в самом деле, вот богатый негодант дон Хосе Ринкон со своей дородной супругой и четырьмя пухлыми, сонными дочерьми. Здесь же супруга алькальда и все его семейство; и сам алькальд со своим украшенным кистями жезлом – знаком его достоинства; и девицы Эчевариа – прелестные создания (как они сами полагают) – в сопровождении брата-щеголя, который отверг национальный костюм ради парижской моды. Здесь и богатый асиендадо⁶ сеньор Гомес дель Монте, обладатель бесчисленных стад и обширного поместья в долине; здесь и многие другие землевладельцы со своими женами и дочерьми. И тут же – привлекающая все взоры прекрасная Каталина де Крусес, дочь богатого владельца рудников дона Амбросио.

Счастлив будет тот, кто завоюет улыбку Каталины, или, вернее, благосклонность ее отца, ибо это он скажет решающее слово, когда дело дойдет до замужества дочери. Впрочем, ходят слухи, что все уже давно слажено и что удачливый претендент на руку Каталины – капитан Робладо, первое после коменданта лицо в крепостном гарнизоне. А вот и он сам – лихой усач; грудь и спина у него в золотых галунах и шнурах; он свирепо хмурит брови, стоит только кому-нибудь заглядеться на прекрасную Каталину. Но хоть у него и золотые галуны и гордый вид, а этот выбор едва ли свидетельствует о хорошем вкусе Каталины.

Впрочем, ее ли это выбор? Быть может, нет; быть может это выбор дона Амбросио. Честолюбивые мечты завладели им: плебей по рождению, он решил породниться с благородным идалго. У капитана нет и гроша за душой, если не считать его солдатского жалованья, да и оно уже взято за несколько месяцев вперед, зато он настоящий ачупино⁷ – в его жилах течет «голубая» кровь подлинного идалго. В своих честолюбивых мечтах старый скряга неоригинален, их разделяют все выскочки.

Тут же стоит комендант Вискаarra, высокий сорокалетний полковник, весь в галунах, в шляпе с перьями – настоящий павлин.

Это веселый старый холостяк. Он оживленно переговаривается то с отцом иезуитом, то с городским священником, то с алькальдом, а тем временем оглядывает проходящих мимо крестьянских девушек, прибывших на праздник, и глаза его перебегают с одного смазливого личика на другое. Девушки с изумлением смотрят на его ослепительный мундир, а ему, воображающему, что он второй Дон Жуан, в их взглядах чудится восхищение, и он любезно и снисходительно улыбается им в ответ.

Здесь и третий офицер – в крепости их всего три – лейтенант Гарсия. Он красивее старших офицеров, а потому пользуется большим успехом и у простых крестьянских девушек, и у богатых и знатных сеньорит. Я, право, удивлен, что прекрасная Каталина не отдала ему предпочтения. Впрочем, кто поручится, что она этого не сделала? В Мексике женщина умеет хранить тайны своего сердца – их не прочтешь на ее лице, и они не легко слетают с языка.

Не так-то просто сказать, о ком сейчас думает Каталина. В ее годы – а ей двадцать лет – сердце редко бывает свободным. Но кто же он? Робладо? Готов держать пари, что нет. Гарсия? Тут, во всяком случае, можно спорить. Ну, а кроме них, ведь есть и другие – и молодые асиендадо, и служащие на рудниках, и несколько городских щеголей-купцов. Ее выбор мог пасть на кого-нибудь из них. Как знать!

⁶ Асиендадо – владелец асиенды, крупного поместья.

⁷ Ачупино – прозвище испанцев, переселившихся в Америку.

Побродим еще немного в толпе.

Вот солдаты гарнизона; их шпоры позванивают, сабли волочатся по земле, они по-братски смешались с толпой ремесленников в серапе, рудокопов, скотоводов из долины. Они подражают манерам своих офицеров и расхаживают с таким чванным, гордым видом, что сразу понимаешь: военные здесь – власть и сила. Это все уланы – пехота была бы бесполезна в борьбе с индейцами, – и они воображают, что громкий звон шпор и бряцание сабель еще больше возвышают их в глазах окружающих. Вояки бесцеремонно разглядывают девушек, а крестьянским парням не очень это по вкусу, и они ревниво следят за своими невестами и возлюбленными.

Все девушки, и хорошенькие и некрасивые, надели ради праздника свои лучшие, самые яркие наряды. У одних юбки голубые, у других алые, у третьих пурпурные, чаще всего отделанные внизу пышными оборками, отороченными узкой тесьмой. Девушки носят вышитые кофточка с белоснежными оборочками, а поверх с большим изяществом набрасывают иссиня-черные шали, закрывая шею, грудь, плечи, а иногда, из особого кокетства, и лицо. Но еще прежде чем наступит вечер, этот покров будет уже не столь ревниво оберегать стыдливость своих хозяек. Из-за этих живописных складок уже выглядывают на белый свет самые прелестные личики, и по тому, как нежна их не тронутая загаром кожа, можно понять, что они лишь перед самым праздником смыли с лица ягодный сок, который уродовал их последние две недели.

Скотоводы тоже в своих лучших праздничных костюмах: на них бархатные, широкие внизу брюки с бахромой по бокам, ярко начищенные кожаные сапоги, куртки из дубленой овчины или бархатные, пестро расшитые, а под куртками вышитые рубашки, и все они опоясаны ярко-красными шелковыми шарфами. На головах широкополые черные блестящие сомбреро; их тулья повязаны золотой или серебряной тесьмой, концы которой свободно свисают. У некоторых вместо куртки на плечи небрежно наброшено серапе. Все они держат на поводу коней, у всех на ногах шпоры весом в добрых пять фунтов, с колесиками, диаметр которых достигает трех, четырех, а то и пяти дюймов.

Служащие рудников, молодые горожане и мелкие ремесленники одеты почти одинаково; но те, которые принадлежат к сливкам общества, чиновники и коммерсанты, – в куртках из тонкого черного сукна и таких же панталонах своеобразного покроя, не то чтобы европейского, но что-то вроде этого, нечто среднее между парижской модой и местным национальным костюмом.

А вот совсем другой костюм, его носят многие, очень многие в толпе – мирные индейцы, полунищие рудокопы, недавно приобщенные к святой церкви. Их одежда проста: прежде всего тильма – что-то вроде куртки без рукавов; если в мешке из-под кофе вырезать дыру, чтобы проходила голова, а с боков сделать прорезы для рук, это и будет тильма. У этой куртки нет никакого подобия талии, она совершенно бесформенная, держится на плечах и свисает почти до самых бедер. Обычно тильму шьют из грубой шерстяной ткани деревенской выделки; ткань эту называют «герга»; она белесая, и лишь несколько цветных полос украшают ее. Прибавьте к этому штаны из дубленой овчины и грубые сандалии – вот и вся одежда мексиканского мирного индейца. Голова его не покрыта, обнажены и ноги; от колен до щиколоток видна медно-красная кожа.

Сотни краснокожих местных жителей – пеонов⁸, работающих в миссии и на рудниках, – расхаживают взад и вперед, а их жены и дочери сидят на корточках на земле. Перед ними на циновках разложены всевозможные плоды и фрукты, какие только водятся в этом краю: фиговые, петахайя, сливы, абрикосы, виноград, арбузы и дыни всех сортов, жареные кедровые орехи, которые приносят сюда горцы. Кое-кто торгует с лотка сладостями, медовым напитком, лимонадом; другие продают небольшие головы жженого сахара или жареные корни агавы.

⁸ Пеоны – сельскохозяйственные рабочие, находящиеся в полурабской зависимости от помещика.

Иные уселись на корточках перед огнем и жарят маисовые лепешки или красный перец или размешивают прессованное какао с сахаром в глиняном горшке, похожем формой на старинную урну. У этих жалких торговцев за несколько мелких монет можно купить порцию густо наперченного тушеного мяса, тарелку маисовой похлебки или чашку маисового напитка. У владельцев других лотков можно купить маленькую дешевую сигару или выпить огненную агвардиенте, доставленную сюда из Таоса или Эль Пасо. Здесь-то больше всего теснятся вечно мучимые жаждой рудокопы и солдаты. Здесь нет палаток, но почти все торговцы пристроили над головой пальмовые циновки, которые, точно огромные зонтики, заслоняют их от солнца.

Надо сказать еще об одной категории присутствующих, о важных лицах на празднике святого Иоанна: это участники состязаний, те, кто будет оспаривать первенство в играх.

Всё это молодые люди из самых разных слоев общества, все, разумеется, верхом, и каждый постарался раздобыть себе лучшую лошадь, какую только мог. Все они гарцуют, заставляя своих пестро убранных коней выделять самые неожиданные прыжки и скачки, особенно когда проезжают мимо скамей, занятых юными сеньоритами. Тут и рудокопы, и молодые асиендадо, и скотоводы, и пастухи, и охотники на бизонов, и торговцы, и все они отлично держатся в седле. В Мексике каждый великолепно ездит верхом, даже горожане – прекрасные наездники.

Здесь около сотни юношей, готовых помериться силами, показать себя во всевозможных играх, требующих ловкости в искусстве верховой езды.

Так пусть же начнутся состязания!

Глава III

Состязания начались с «coleo del toros», что означает: погоня за быком. Арена для настоящего боя быков существует только в самых больших городах Мексики; но в каждой, даже самой маленькой деревушке можно видеть гонку за быками, потому что для этой игры только и требуется, что открытое место и самый свирепый бык, какого только можно сыскать. Спорт этот не так возбуждает страсти, как бой быков, потому что он не так опасен для участников. Однако и тут бык нередко поднимает на рога лошадь или калечит всадника, а бывают иногда и смертельные случаи. Иной раз споткнется лошадь, и ее вместе со всадником затопчут те, кто мчался следом; в такой беспорядочной гонке несчастные случаи – дело обычное.

Итак, «coleo» – это состязание в силе, мужестве, ловкости, и выйти победителем стремится каждый юноша в Новой Мексике.

Все приготовления закончились, и глашатай объявил, что состязания сейчас начнутся. Приготовления были просты: толпу оттеснили в сторону, так что быку, выпущенному на свободу, была открыта дорога в прерию. Если б ему не предоставили это преимущество, он мог бы броситься на толпу, а этого следовало опасаться. В страхе перед этим многие женщины забрались на повозки, которых здесь было множество, так как в них-то многие и прибыли сюда. Сеньоры же и сеньориты, сидевшие на возвышавшихся амфитеатром скамьях, разумеется, чувствовали себя в безопасности.

Соперники уже выстроились в ряд. В этой первой гонке должны участвовать двенадцать человек – юноши из самых разных сословий, которые были или воображали себя первоклассными наездниками. Здесь скотоводы в живописных костюмах, дерзкие погонщики, спустившиеся с гор рудокопы, горожане, землевладельцы из долины, пастухи со скотоводческих ферм, охотники на бизонов, чей дом – бескрайняя прерия. Тут же и несколько улан, жаждущих доказать, что никто не сравнится с ними в искусстве владеть конем.

Дан сигнал, и быка выпускают из соседнего корала. Было бы безумием приставить к нему пеших погонщиков – его сопровождают пастухи верхом на хороших конях, их лассо обвились вокруг его рогов; они на чеку и, если бык попытается взбунтоваться, тотчас рывком опрокинут его наземь.

С виду бык – злобное чудище, лоб у него косматый, взгляд свирепый и мрачный. Ясно, что его не придется долго дразнить, чтобы он окончательно рассвирепел, – он уже и сейчас сердито хлещет себя хвостом по бокам, бодает воздух длинными прямыми рогами, отрывисто фыркает и нетерпеливо бьет землю копытом. Как видно, он – один из самых неистовых представителей этой неистовой породы испанских быков.

Зрители не сводят глаз с быка и громко обсуждают его достоинства. Одни находят его слишком жирным, другие утверждают, что он как раз в хорошей форме для гонок: ведь для «coleo» бык должен быть не столько храбрым, сколько быстроногим. Не сойдясь во мнениях, многие заключают пари насчет исхода гонок, спорят о том, сколько времени пройдет от старта до той минуты, когда быка схватят и опрокинут, – этим кончается погоня, это и есть цель игры.

Если принять во внимание, что бык выбран на славу, сильный, быстрый, неистовый, и что преследователь должен справиться с ним голыми руками, даже не прибегая к помощи лассо, – нельзя не признать, что это нелегкая задача. Бык несется во весь опор, почти со скоростью конского галопа. Чтобы при этих условиях опрокинуть его на землю, нужно совершить подвиг, на который способен лишь человек, обладающий недюжинной силой, ловкостью, превосходный наездник. Этот своеобразный подвиг заключается в том, чтобы схватить быка за хвост и одним рывком повалить его.

Быка отвели ярдов на двести от линии всадников и здесь остановили; перед ним расстилалась прерия. Лассо, с помощью которого его удерживали, осторожно снимают, делают два-три выстрела из духового ружья, острые колючки вонзаются в круп быка – и он мчится прочь под громкие крики зрителей.

Миг – и всадники, пришпорив коней, скачут за ним, крича кто во что горазд.

Строй сломан, преследователи рассеялись в беспорядке по всему лугу, точно это охота за лисой. С каждой минутой цепь преследователей становится все длиннее; они начинали гонку, выстроившись в один ряд, а сейчас растянулись по одному, по двое на сотни ярдов. И, однако, они продолжают погоню, изо всех сил нахлестывая, пришпоривая и погоняя коней.

Доведенный до бешенства острыми, как стрелы, колючками, вонзившимися ему в бока, напуганный свистом их оперения, бык мчался вперед со всех ног. Даже на самом быстром скакуне не так-то легко было свести на нет фору, которую он получил вначале, и бык опередил всех на добрую милю, прежде чем кто-либо успел приблизиться к нему. Но вот улан на крупной гнедой лошади нагнал его и наконец схватил за хвост. Он дернул раз, другой, надеясь, что одной лишь силы его рук довольно, чтобы опрокинуть животное, но это ему не удалось, – в следующее мгновение бык вырвался, кинулся в сторону и оставил своего преследователя позади.

Теперь быка настигал молодой асиендадо на великолепном коне; но всякий раз, как он протягивал руку, чтобы ухватить быка за хвост, тот ускользал у него прямо из-под носа. Наконец всаднику все же удалось завладеть хвостом, но бык неожиданно рванулся в сторону, выдернул хвост из рук своего врага и был таков.

Одно из условий «soleo» гласит, что тот из участников, кто раз потерпел неудачу, выходит из игры. Итак, асиендадо и кавалерист теперь уже не участвуют в погоне. Они повернули назад, но не поехали прямо туда, где собрались зрители. Они поехали стороной, подальше, чтобы никто не мог прочесть на их лицах всю глубину их разочарования.

Бык мчался все дальше, нетерпеливые, разгоряченные погоней всадники – за ним. Еще один улан попытался схватить быка и тоже потерпел неудачу, за ним пастух, и еще всадник, и еще – все так же безуспешно, и каждую неудачу толпа встречала вздохом разочарования. Несколько человек вылетели из седла, и зрители громко хохотали над ними. А одна лошадь была тяжело ранена: она оказалась у быка на дороге, и он пропорол ее рогами.

Не прошло и десяти минут, а из двенадцати всадников одиннадцать уже выбыли из игры.

Теперь лишь один продолжает погоню. Бык оказался хоть куда, он завоевал все симпатии, и зрители громко рукоплещут ему.

– Bravo! Брависсимо! – несется со всех сторон.

Теперь все глаза прикованы к разъяренному животному и к его единственному преследователю. Оба они сейчас довольно близко, и их можно хорошо разглядеть – ведь до сих пор бык уходил от погони не напрямик, все дальше в прерию, но бросался то вправо, то влево, и теперь расстояние между ним и толпой не больше, чем тогда, когда его настиг первый кавалерист. Он и сейчас кидается из стороны в сторону, так что оба они преследователь и преследуемый – хорошо видны со скамей.

Довольно хоть раз взглянуть на этого всадника и коня, чтобы убедиться: здесь нет равных им по красоте. Превзойдут ли они всех также в быстроте и ловкости? Время покажет.

Конь этот – крупный угольно-черный мустанг с длинным, пышным хвостом, суживающимся к концу, точно хвост бегущей лисы. Хоть он и мчится галопом, на ровном фоне луга хорошо видно, какая у него выгнутая шея и великолепная, гордая стать, и зрители разражаются восторженными криками.

Всаднику лет двадцать или чуть больше, он совсем не похож на своих соперников: у него светлые вьющиеся волосы и белая кожа с нежным румянцем; остальные же все без исключения смуглолицы. На нем праздничный костюм скотовода, богато расшитый и украшенный, а вме-

сто обычного серапе пурпурный плащ, более изящный и нарядный. Длинные полы плаща закинуты назад, чтобы руки оставались свободными, и он развевается на ветру и падает мягкими складками, подчеркивая изящество, с которым всадник держится в седле.

Внезапное появление этого великолепного всадника – вначале он держался позади всех, перекинув свой алый плащ через руку, и был незаметен – привлекло общее внимание, и многие спрашивали, кто же он такой.

– Это Карлос, охотник на бизонов! – крикнул один из присутствующих достаточно громко, чтобы его услышали все.

Кое-кому, видимо, это имя было известно, но большинство слышали его впервые. Один из тех, кто знал его, спросил:

– А почему Карлос раньше не вырвался вперед? Ведь он мог бы нагнать быка, если бы захотел.

– Черт побери! Конечно, мог! – отозвался другой. – Это он нарочно держался позади, чтобы дать другим попытать счастья. Он знал, что с этим быком никому не справиться. Смотри-ка!

Без сомнения, говоривший был прав.

С первого взгляда стало ясно, что этот всадник без труда мог настичь быка. Даже и сейчас его лошадь шла спокойным галопом, и хотя ее уши были насторожены, а розовые ноздри раздувались, это было знаком не усталости, но возбуждения погони и недовольства тем, что до сих пор всадник не давал ей воли. И в самом деле, он все еще туго натягивал поводья.

В ту секунду, когда один из собеседников взволнованно воскликнул: «Смотри!», поведение всадника вдруг изменилось. Он был примерно в двадцати шагах от своей живой цели и прямо позади нее. Внезапно лошадь рванулась вперед с удвоенной быстротой и в несколько скачков поравнялась с быком. Все видели, как всадник ухватился за длинный вытянутый бычий хвост, низко пригнулся, тотчас же резко выпрямился – и огромный рогатый зверь опрокинулся наземь. Всадник проделал все это с такой легкостью, словно он одолел не быка, а обыкновенную кошку. Зрители разразились громкими криками «viva». Победитель повернул коня, проехал мимо скамей, скромно раскланиваясь, и скрылся в толпе.

Среди зрителей было немало таких, которым показалось, будто, пока победитель раскланивался, взор его был обращен к прекрасной Каталине де Крусес; а некоторые даже уверяли, что она улыбнулась ему в ответ и, видимо, была польщена. Но это, разумеется, невозможно. Неужели наследница богача дона Амбросио ответит улыбкой на поклон какого-то охотника на бизонов!

Но нашлась среди зрительниц одна, которая и в самом деле улыбнулась ему. Это была белокурая девушка с очень светлой кожей; она стояла в повозке, к которой подъехал победитель. И сейчас, когда они оказались рядом, видно было, что они похожи друг на друга, как две капли воды. В их жилах текла одна кровь, кожа их была одного цвета, они были дети одного народа, а может быть, и одного отца. Да, белокурая девушка была сестрой охотника на бизонов. Она улыбалась, счастливая победой брата.

В глубине этой повозки сидела женщина, чья внешность сразу же останавливала внимание, – старая, с длинными распущенными волосами, белыми как снег. Она не произнесла ни слова, но ее пристальный взгляд, обращенный на Карлоса, горел торжеством. Некоторые смотрели на нее с любопытством, но большинство – со страхом, почти с ужасом. Они кое-что знали о ней и шепотом передавали друг другу странные слухи.

– Она колдунья! – говорили они. – Ворожея!

Люди говорили это потихоньку, вполголоса – из опасения, как бы не услышали Карлос или светловолосая девушка. Ведь это была их мать!

Глава IV

Игры продолжались. Бык, побежденный Карлосом, совсем присмирел и угрюмо бродил по лугу. Он уже не годился для участия во втором туре состязаний, поэтому на него накинули лассо и увели: это приз, его отдадут победителю.

Вывели другого быка и пустили, и новый десяток всадников кинулся за ним по пятам.

На этот раз дичь и ее преследователи были больше под стать друг другу – вернее бык оказался не таким быстроногим: все разом нагнали его и в неудержимой скачке промчались далеко вперед. Совершенно неожиданно бык круто повернул и кинулся назад, прямо к зрителям. Перепуганные крестьянки в повозках, сеньоры и сеньориты на скамьях подняли крик. И неудивительно: еще мгновение – и разъяренный зверь окажется здесь, среди них!

А всадники остались где-то позади. Необходимость на всем скаку повернуть обратно застала их врасплох, и теперь бык далеко опередил их. Даже самые ближние не могли поспеть вовремя.

Все остальные наездники уже спешили. А кто же пеший осмелится преградить дорогу мчащемуся во весь опор разъяренному быку!

Мужчины растерялись; их громкие крики смешались с отчаянными воплями охваченных ужасом женщин. Будут жертвы... может быть, не одна. Никто не мог быть уверен, что его не настигнет смерть.

Повозки, полные перепуганных насмерть женщин, выстроились рядами по обе стороны скамей и тянулись дальше по лугу, образуя нечто вроде полукольца. Вот бык уже в этом полукругу, повозки не дают ему свернуть ни вправо, ни влево и он бешено мчится прямо к скамьям, словно решил прорваться сквозь них. Женщины вскочили и, обезумев от страха, кажется, готовы были прыгнуть прямо на рога чудовища. Ужасная минута!

И в эту минуту перед повозками появился человек, пеший, с лассо в руках. Едва выступив из толпы, он взметнул над головой лассо. Мгновение – и петля обхватила рога разъяренного животного.

Не теряя ни секунды, человек мчится к невысокому дереву, растущему посреди полукруга, и быстро обматывает вокруг ствола свободный конец лассо. Помедли он еще миг, и было бы поздно.

Едва он успел завязать узел, как сильный рывок возвестил, что бык оказался на привязи. Лишь только он отбежал на всю длину лассо, петля которого туго обхватила рога, какая-то непонятная сила внезапно остановила озадаченное животное, отбросила назад, и бык тяжело повалился к ногам зрителей.

– Bravo! Viva! – раздались крики, едва лишь сотни замерших в ужасе людей пришли в себя настолько, что к ним вернулся голос. – Viva! Viva Карлосу, охотнику на бизонов!

Не кто иной, как он второй раз сегодня доказал всем свою ловкость и отвагу.

Однако бык еще не побежден, он лишь ограничен определенным расстоянием – длиной лассо, – и, поднявшись на ноги, он с яростным ревом кидается прямо на людей. К счастью, лассо не настолько длинно, чтобы он мог ворваться в ряды зрителей справа или слева, и снова он падает, оседает на передние ноги. Толпа в страхе бросается врассыпную: как знать, а вдруг петля все-таки соскользнет? Но вот подоспели всадники. Новые лассо обвились вокруг шеи быка, опутали ноги, и наконец его безжалостно опрокинули на землю, и он уже не может шевельнуться.

Вот теперь он окончательно покорен и больше уж не побежит. А так как для этой игры приготовили всего двух животных, на сегодня погоня за быком окончена.

Пока шли приготовления к другой большой игре сегодняшнего праздника, некоторые всадники демонстрировали менее высокое искусство верховой езды. Это было нечто вроде

интермедии, и каждый показывал что вздумается. Например, набрасывал лассо на ногу человека, бегущего во всю прыть, затягивал петлю на лодыжке и, разумеется, опрокидывал его. Делали это очень многие, и всадники и пешие, – как видно, для этого не требовалось особого мастерства; во всяком случае, так полагали самые искусные – те, что считали ниже своего достоинства участвовать в этой забаве.

Затем всадники показали номер со шляпой. Тут хитрость заключается в том, чтобы, пустив коня галопом, бросить свою шляпу наземь, а потом на всем скаку, перегнувшись с седла, поднять ее. Почти все справились с этим одинаково успешно, и лишь самые молодые считали это знаком особой ловкости. Чуть не двадцать юнцов кружили на конях перед зрителями, сбрасывали свои сомбреро на землю и вновь на всем скаку подхватывали их.

Но поднять предмет поменьше уже не так легко – например, монету, лежащую на земле; тут не зазорно попытаться счастья самому искусному наезднику.

Вперед выступил комендант Вискаarra и потребовал тишины. Он положил на землю испанский доллар и провозгласил:

– Доллар достанется тому, кто поднимет его с первого раза! Ставлю пять золотых, что сержанту Гомесу это по плечу!

Несколько минут все молчали. Пять золотых – это большие деньги. Только богач может рисковать такими деньгами.

И, однако, вызов не остался без ответа. Вперед выступил молодой скотовод.

– Полковник Вискаarra, – заговорил он, – я не стану спорить, что сержанту Гомесу это по плечу, но держу пари: тут есть и другой человек – он сделает это не хуже Гомеса. Не угодно ли вам удвоить ставку?

– Назовите этого человека!

– Карлос, охотник на бизонов.

– Хорошо, я принимаю ваше пари. Кто еще хочет попытаться счастья? – продолжал Вискаarra, обращаясь к толпе. – На место поднятого доллара я всякий раз буду класть новый. Но только помните – поднимать с одного раза!

Некоторые пытались – и потерпели неудачу. Кое-кто дотронулся до монеты и даже сдвинул ее с места, но никому не удалось поднять ее.

Наконец на луг выехал кавалерист на крупной гнедой лошади – все узнали сержанта Гомеса. Это он первый нагнал быка, но не сумел свалить его. Сразу было видно, что он до сих пор не примирился с неудачей, – его и без того хмурое изжелта-бледное лицо совсем помрачнело. Он был рослый, крепкий и, бесспорно, хороший наездник, но уж слишком грубо, несообразно сложен; ему не хватало гибкости и подвижности.

Дело требовало кое-каких приготовлений. Сержант проверил седельные подпруги, снял саблю и португую и тронул коня.

Через несколько минут лошадь, умело направляемая всадником, оказалась подле монеты, блестевшей на солнце. Гомес нагнулся и попытался схватить монету. Ему удалось было поднять ее с земли, но он недостаточно крепко зажал ее в руке, и монета выскользнула из его пальцев, прежде чем он успел выпрямиться.

Толпа разразилась криком – тут были и восторг и негодование. Большинство относилось к Гомесу благосклонно, потому что за него стоял Вискаarra. Не то чтобы полковника Вискаарру очень любили, нет, но его боялись и поэтому старались не перечить ему.

Теперь выехал вперед Карлос на своем вороном коне. Все взоры обратились на него. Его красота могла бы вызвать всеобщее восхищение, если бы не его слишком светлая кожа. Это заставляло относиться к нему с недоверием: ведь он был человеком другого народа!

Однако женские сердца не разделяли этого предубеждения, и не одна пара темных девичьих глаз вспыхивала восхищением при виде светловолосого американца, ибо Карлос, охотник на бизонов, был родом американец.

Но нет, не только женщины смотрели на него благосклонно, не только они шептали слова одобрения. Среди низведенных почти до уровня животных индейцев из племени тагносов, которые жили, согнувшись в три погибели и не поднимая глаз, были люди, мечтавшие о давно прошедших днях; они знали, что когда-то их отцы были свободны; на тайных сборищах в горной пещере или в мрачной глубине лесной чащи они всё еще возжигали священный огонь богу Кецалькоатлю⁹, всё еще говорили о Монтесуме, о свободе.

Карлос едва снизошел до каких бы то ни было приготовлений. Он даже не снял плаща, только небрежно откинул его назад, так что длинные полы свисали с крупы коня.

Послушный голосу хозяина, конь сразу пошел галопом, потом колени всадника слегка сжали его бока, и, повинаясь этому знаку, он начал кружить по лугу все быстрее и быстрее.

Но вот с той же скоростью всадник направил коня прямо к сверкающей монете. Доскакав, он перегнулся с седла, схватил золотой, подбросил его высоко над головой, круто осадил коня, протянул руку, и золотой упал на его раскрытую ладонь.

Все это он проделал легко, с непринужденностью индийского факира. Даже недоброжелатели не могли удержаться от аплодисментов, и вновь загремело «viva» в честь Карлоса, охотника на бизонов.

Сержант был унижен. С давних пор он выходил победителем в этих состязаниях: до сегодняшнего дня Карлоса не было здесь или он никогда не участвовал в них. Вискаarra чувствовал себя не многим лучше. Его любимец посрамлен, сам он потерял десять золотых – это немало даже для коменданта пограничной крепости. Да, кроме того, неприятно быть осмеянным прекрасными сеньоритами из-за того, что проиграл пари, которое сам же затеял, совершенно уверенный в победе. С этой минуты Вискаarra невзлюбил Карлоса, охотника на бизонов.

Следующий номер состоял в том, чтобы проскакать галопом до самого края глубокой канавы, проходившей вдоль луга. Тут нужно было показать не только мужество и ловкость всадника, но и отличную выучку коня.

Канавы – оросительный канал – была так широка, что лошадь не могла перескочить через нее, и достаточно глубока, чтобы всаднику не слишком приятно было упасть в нее. Поэтому всадник должен быть не только ловок, но и отважен. Лошадь во весь опор несется к канаве; неожиданно, на всем скаку, ее надо осадить, да так, чтобы все четыре ноги оказались за чертой, а черта проведена меньше чем на две длины лошадиного корпуса от края канавы. Почва была, разумеется, совершенно твердая и плотная, иначе это было бы невыполнимо.

Многие достигли в этом совершенства и трудную задачу выполняли безукоризненно. Великолепное зрелище – конь, внезапно остановленный в стремительном беге: он поднялся на дыбы у самого края канавы, голова его вскинута, глаза пылают, ноздри раздуваются. А иные всадники, напротив, выглядели просто смешно, и толпа потешалась над ними. Это были либо малодушные – они осаживали лошадь, не успев еще приблизиться к краю; либо смелые, но неловкие – не сумев сдержать коня на условной черте, они с размаху летели в глубокую грязную воду. Всякую неудачу зрители встречали смехом и криками, почти не смолкавшими, потому что на берег то и дело выбирались едва не утонувшие, насквозь промокшие всадники. Зато искусно выполненный маневр приветствовали громкими «viva» и аплодисментами.

Подобные состязания устраиваются постоянно; при такой системе обучения немудрено стать лучшими в мире наездниками, и мексиканцы в самом деле несравненные наездники.

Было замечено, что охотник на бизонов не участвует в этой игре. Почему? Его друзья утверждали, что это было бы ниже его достоинства. Он ведь уже показал себя искусным наездником в состязаниях более трудных, и участвовать в этой игре – значило бы искать уже ненужной победы. Карлос и в самом деле так думал.

⁹ Кеcалькоатль – бог толтеков – народа, жившего в долине Мексико. Изображался в виде пернатого змея.

Но раздосадованный комендант смотрел на дело по-другому. И капитан Робладо – тоже, ибо он видел, или вообразил, что видел, какое-то странное выражение во взгляде Каталины при каждой новой победе охотника. У обоих этих вояк были свои планы, такие же подлые, как они сами: оба хотели унижить Карлоса.

Подойдя к нему, они спросили, почему он не попытал счастья в последней игре.

– Я не думаю, что она того стоит, – просто ответил охотник.

– Хо! – насмешливо воскликнул Робладо. – Нет, приятель, у вас наверняка есть на то другие причины. Не такая уж это жалкая игра – остановиться на самом краю ловушки. Сдается мне, вы боитесь искупаться!

Капитан сказал это как бы в шутку, но достаточно громко, чтобы слышали все вокруг, и под конец насмешливо расхохотался.

Они как раз этого и хотели – увидеть, как он искупается. Они питали надежду, что, если Карлос примет вызов, вмешается какая-нибудь случайность, например, поскользнется или споткнется конь, и он угодит в канаву. И чем унижительнее это будет для охотника, тем большее удовольствие получают они. Человек, который выкарабкался из грязной канавы и промок до нитки, пусть даже виной тому его отвага, смешон и жалок в глазах праздничной толпы. И как раз в таком положении жаждали они увидеть Карлоса.

Заподозрил ли охотник, чего они хотят, нет ли, но он ничем этого не показал. По его ответу этого нельзя было понять. Но когда ответ услышали окружающие, канавы, грязная вода – все тотчас было забыто. Теперь зрителей ждало зрелище куда более захватывающее.

Глава V

Карлос ответил не сразу; минуту он молчал, неподвижно сидя в седле. Казалось, он был озадачен. Поведение обоих офицеров, слова Робладо уязвили его. Не досадно ли вступить в такую несложную игру, когда она, в сущности, уже кончилась, и только потому, что Робладо и коменданту вздумалось тебя дразнить! А отказаться – значит, стать мишенью для насмешек и сплетен. Может быть, как раз этого они и добиваются?

У него были основания подозревать недобрые намерения с их стороны. Он кое-что знал о них обоих, о том, каковы они на своем посту, да и мог ли он не знать! Ведь они здесь – высшая власть. Но он знал еще и о том, что это за люди вне службы, в частной жизни, и сведения эти отнюдь не говорили в их пользу. Что касается Робладо, то у охотника были свои причины не любить его, совсем обычные причины, и знай уже Робладо об одном обстоятельстве, у него была бы вполне веская причина отвечать Карлосу такой же неприязнью. До сего дня Робладо не знал даже о существовании охотника на бизонов, который большую часть времени проводил вдали от этих мест. Быть может, офицер никогда прежде не встречал его или, во всяком случае, никогда не обменялся с ним ни словом. Карлос знал его лучше и задолго до этой встречи не любил; как мы уже намекали, у него были на то свои причины.

Сегодняшнее поведение офицера не уменьшило неприязни Карлоса. Наоборот, его высокомерный, насмешливый тон задел и оскорбил охотника.

– Капитан Робладо, – ответил он наконец, – я сказал, что эта игра не стоит того, чтоб тратить на нее время: десятилетний мальчишка и тот не сочтет ее подвигом. Я не стану рвать своему коню рот ради такого пустяка. Что стоит осадить его на краю этой безобидной канавки? Но если...

– Ну, если что? – нетерпеливо спросил Робладо, воспользовавшись паузой и начиная уже догадываться, что скажет Карлос.

– Если вы хотите рискнуть дублоном – я всего-навсего бедный охотник и не могу поставить больше, – я сделаю то, что десятилетний мальчишка, пожалуй, сочтет настоящим искусством.

– Что бы это могло быть, сеньор охотник? – усмехаясь, спросил офицер.

– Я на всем скаку остановлю коня на краю вон того утеса.

– В двух корпусах от обрыва?

– В двух корпусах? Нет – меньше: на том же расстоянии, что здесь, на берегу канала.

Его слова так поразили всех, кто был поблизости и слышал его, что несколько минут никто не мог произнести ни слова. Не верилось, что это предложение сделано всерьез, – столько в нем было дикой, безрассудной отваги. Даже оба офицера, пораженные, готовы были подумывать, что охотник просто смеется над ними.

Утес, на который показывал Карлос, был частью высокого плоскогорья, отвесные стены которого обрывались в долину. Он походил на мыс и выступал вперед, словно нарочно для того, чтобы его лучше было видно снизу, из долины. Утес был чем-то вроде волнореза, такой же высокий, как весь скалистый обрыв. На грани его виднелась трава – зеленый краешек прерии, раскинувшейся наверху, на плоскогорье. Ровная, лишенная террас и уступов стена отвесно спускалась в долину, вся исчерченная горизонтальными полосами, – это чередовались пласты известняка и песчаника. Добрая тысяча футов отделяла зеленые луга долины от края утеса. Измерить взглядом расстояние снизу вверх не так-то просто человеку со слабыми нервами; поглядеть вниз – это испытание выдержит лишь самый бесстрашный. Вот каков бы утес, на краю которого Карлос решил осадить своего коня. Вполне понятно, что такое предложение поразило всех до немоты. Но вот тишину нарушили крики:

– Это невозможно! Он сошел с ума! Да он шутит! Он насмехается над господами военными!

Карлос сидел на коне, невозмутимо перебирал поводья и ждал ответа.

Ему не пришлось долго ждать. Вискаarra и Робладо наскоро обменялись несколькими словами, и Робладо нетерпеливо закричал:

– Я принимаю пари!

– И я ставлю золотой! – добавил Вискаarra.

– Сеньоры! – сказал Карлос, видимо огорченный. – Мне очень жаль, но я не могу спорить с двумя. Этот дублон – все, что у меня есть, и сейчас вряд ли кто-нибудь даст мне еще один.

Говоря это, Карлос с улыбкой взглянул на толпу, но людям было не до того, чтобы улыбаться в ответ. Ужас охватил их. Они не сомневались, что безрассудного охотника ждет неминуемая гибель. Но все же кто-то отозвался:

– Я дам и двадцать золотых, Карлос, на что угодно, но только не на это. Ведь это безумие!

Это сказал молодой скотовод, тот самый, что уже и прежде вступался за Карлоса.

– Спасибо, дон Хуан, – ответил охотник. – Я знаю, ты всегда ссудил бы меня деньгами. Все равно спасибо. Не бойся! Я выиграю золотой. Не для того я двадцать лет не слезаю с коня, чтобы какой-то ачупино насмеялся надо мной!

– Сударь! – в один голос крикнули Вискаarra и Робладо, разом схватившись за эфесы шпаг и грозно хмуря брови.

– О, прошу прощения, господа, – с плохо скрытой насмешкой сказал Карлос. – Это у меня нечаянно слетело с языка. Право, я никого не хотел оскорбить.

– Тогда держите язык за зубами, приятель! Еще раз вылетит такое слово, а там как бы голова не слетела с плеч, – пригрозил Вискаarra.

– Благодарю вас, сеньор комендант, – ответил Карлос, все еще смеясь. – Пожалуй, я послушаюсь вашего совета.

Комендант только яростно выругался в ответ, но Карлос не обратил на него внимания, ибо в эту минуту его сестра, только что услышавшая о безрассудном намерении брата, выпрыгнула из повозки и в отчаянии кинулась к нему.

– О Карлос! – воскликнула она, обнимая колени всадника. – Неужели правда? Нет, не может быть!

– Что, сестренка? – с улыбкой спросил Карлос.

– Что ты...

Голос изменил ей, и она только взглядом указала на утес.

– Конечно, Росита. А почему бы и нет? Стыдно, родная! Не тревожься. Поверь, тут нечего бояться. Я и прежде так делал.

– Карлос, дорогой! Я знаю, ты прекрасный наездник, никто с тобой не сравнится. Но подумай, как это опасно... Боже милостивый! Подумай...

– Фу, сестра! Не позорь меня перед людьми! Поди спроси мать. Послушай, что она скажет. Уж она-то не станет тревожиться.

И охотник направился к повозке; сестра последовала за ним.

Бедная Росита! В эту минуту на тебя были устремлены глаза человека, впервые заметившего тебя, и в темной глубине этих глаз блеснул огонь, не суливший ничего хорошего. Твоя стройная фигурка, твое ангельски прекрасное лицо, быть может, и самое твое горе заставили быстрее забиться сердце человека, чья любовь могла принести лишь гибель той, которую он полюбит. То было сердце полковника Вискаарры.

– Смотрите-ка, Робладо! – негромко окликнул он своего подчиненного и соучастника во всех дурных делах. – Взгляните вон туда! Пресвятая дева! Да поглядите же! Вот настоящая Венера – это так же верно, как то, что я христианин и солдат! Хотел бы я знать, с какого неба она свалилась?

– Ей-богу, я никогда ее не видал, – ответил капитан. – Наверно, она сестра этого парня. Так и есть! Послушайте их! Они называют друг друга братом и сестрой. Она и в самом деле недурна.

– Горе мне! – вздохнул комендант. – Да это находка! Я уж просто отупел, совсем отупел от здешней скуки и однообразия. Хорошо, что нашлось новое развлечение. Теперь я, пожалуй, смогу вытерпеть еще месяц. Как вы думаете, хватит мне ее на целый месяц?

– Едва ли... если дело пойдет, как с другими. Неужели вам уже надоела Инес?

– Хо-хо! Она слишком горячо любила меня, а я этого терпеть не могу. Я предпочитаю, чтобы со мной были похолоднее.

– Если так, эта блондинка, пожалуй, больше вам подойдет. Но смотрите: они ушли!

Пока офицеры беседовали, Карлос с сестрой приблизились к повозке, в которой сидела их старая мать.

Комендант, капитан и еще многие зрители последовали за ними и обступили их, прислушиваясь.

– Матушка, она хочет отговорить меня, – раздался голос Карлоса. Он уже успел рассказать матери о своем намерении. – Без вашего согласия я ничего не стану делать. Но послушайте, матушка, я уже наполовину связал себя обещанием и хотел бы исполнить его. Ведь это дело чести, матушка.

Последние слова были произнесены громко, внушительно, прямо в ухо старой женщине – она, видимо, была глуховата.

– Кто отговаривает тебя? – спросила она, подняв голову и оглядывая окруживших их людей. – Кто?

– Росита, матушка.

– Пусть Росита ткет и вяжет шали – вот ее дело. А ты, сын мой, можешь совершить великие дела... подвиги. Да, подвиги! Разве в жилах твоих не течет кровь твоего отца? Вот он – он совершал подвиги, да... ха-ха-ха!

Станный смех и безумный взгляд этой женщины заставили зрителей содрогнуться.

– Иди! – закричала она, откидывая назад длинные пряди своих белых волос и размахивая руками. – Иди, Карлос, охотник на бизонов, и покажи этим обгоревшим на солнце трусам, этим рабам, на что способен свободный американец! На утес! На утес!

Отдав этот ужасный приказ, она опустила на сиденье повозки и вновь погрузилась в молчание.

Карлос больше ни о чем не стал ее спрашивать. Резкие слова, слетевшие у нее с языка, вызвали у него желание поскорее закончить этот разговор: он заметил, что кое-кто из стоявших поближе не пропустил их мимо ушей.

Офицеры, священники, алькальд обменялись многозначительными взглядами.

Снова усадив сестру в повозку и обняв ее на прощанье, Карлос вскочил в седло и поскакал по долине. Отъехав немного, он сдержал коня и бросил взгляд на ряды скамей, где расположились городские сеньоры и сеньориты. Там царило смятение. Они узнали о предполагавшемся испытании, и многие готовы были отговорить охотника от опасной затеи.

Среди них была и та, чье сердце, казалось, вот-вот разорвется; страх и тревога переполняли его, как и сердце сестры Карлоса, но тем, кто окружал ее, она не смела этого показать. Ей приходилось молча страдать и терпеть.

Карлос знал это. Он достал белый платок, хранившийся на груди, и махнул им, словно посылая кому-то последнее «прости». Ответили ли ему – трудно сказать, но мгновение спустя он повернул коня и поскакал к утесу.

Каких только не было догадок у сеньор и сеньорит, у деревенских красоток о том, кому же предназначался этот прощальный привет! Много предположений было высказано, много имен

названо, и пошли толки и пересуды. Лишь одна из всех знала, с кем прощался Карлос, и душа ее полна была любви и страха.

Глава VI

Все, у кого были лошади, последовали за охотником, который держал путь прямо к тропе, что вела из долины вверх, на плоскогорье. Эта тропа крутыми извивами взбиралась по скалам, и кроме нее отсюда не было другого пути на плоскогорье. Такая же дорога вилась по противоположному каменному откосу, в этом месте можно было пересечь долину – на много миль вокруг это был единственный путь, ведущий с одной стороны плоскогорья на другую.

Всего тысяча футов отделяла долину от плоскогорья, но тропа, поднимавшаяся вверх, тянулась чуть не на милю; а так как место праздничных игр было в нескольких милях от подножия утеса, Карлоса сопровождали лишь те, кто был на конях, да еще несколько человек, решивших во что бы то ни стало своими глазами увидеть во всех подробностях это опасное испытание. Офицеры, разумеется, были среди тех, кто поднимался по тропе. Те, что остались внизу, двинулись поближе к скалам, чтобы не пропустить самую интересную и волнующую часть зрелища.

Прошло уже больше часа, а оставшиеся внизу все еще ждали, но они не теряли времени даром. Картежники засели играть в монте, замелькали золотые и серебряные монеты, переходя из рук в руки; среди самых азартных игроков были оба отца миссионера; а прекрасные сеньориты занялись своей любимой, спокойной и несложной, игрой в чуса. Бой между двумя сильными петухами (один из них принадлежал алькальду, другой – священнику) заполнил следующие полчаса. В этом соревновании восторжествовал представитель церкви. Его серый петух с одного удара убил рыжего петуха алькальда – длинной и крепкой, словно стальной шпорой он хватил противника по голове. Всем оставшимся внизу, даже и сеньоритам, очень понравилось это интересное и приятное зрелище – всем, кроме алькальда.

Петушинный бой окончился, и вниманием толпы снова завладела группа людей, поднимавшихся на плоскогорье. Они уже достигли края утеса, и по их движениям было ясно, что они договариваются об условиях этого неслыханного пари. Давайте присоединимся к ним.

Охотник на бизонов выехал вперед и показал место, где он хочет осуществить свой дерзкий замысел. Сверху, с плоскогорья, скал не видно, и даже самую долину, огромную пропасть в тысячу футов глубиной, не увидишь, если на какую-нибудь сотню шагов отступить от края обрыва. Здесь нет никаких откосов или склонов. Неизменно ровный зеленый луг стелется по плоскогорью до самого края обрыва. Он весь гладкий, трава здесь короткая и густая, как дерн. Коню не обо что споткнуться – нигде ни ямки, ни камешка. Эта опасность ему не грозит.

Выбранное место, как уже говорилось, походило на мыс; он выдавался вперед, нарушая ровную линию каменной стены. Снизу, из долины этот выступ сразу бросался в глаза. А здесь, наверху, он оказался продолжением плоскогорья, вытянутого вперед наподобие языка.

Прежде всего Карлос доехал до самого конца его и внимательно исследовал грунт. Он был как раз хорош: не настолько плотен, чтобы конские копыта скользили, и не такой рыхлый, чтобы они увязали в нем.

Карлоса сопровождали Вискаarra, Робладо и другие. Многие подъехали к избранному месту, но держались на почтительном расстоянии от края пугающей бездны. И хоть они долгие годы жили на этой земле, среди величественных и грозных ландшафтов, многие из присутствующих не решились стать на край страшного выступа и заглянуть вниз.

Конь охотника стоял на самой кромке, и Карлос спокойно, словно то был берег канала, показывал, где провести черту. Конь тоже не выказывал признаков беспокойства. Сразу было видно: он прекрасно обучен, и ему это не внове. То и дело, вытянув шею, он заглядывал вниз, в долину, и, увидав там своих собратьев, пронзительно ржал. Карлос нарочно держал его на самом краю утеса, чтобы он освоился здесь, прежде чем приступить к нелегкому испытанию.

Но вот уже и черта проведена; меньше двух лошадиных корпусов отделяют ее от последних травинки, растущих на кромке обрыва. Вискаarra и Робладо потребовали было, чтобы расстояние сделали еще короче, но в ответ раздался ропот неодобрения и послышались даже негромкие, приглушенные возгласы: «Позор!»

Чего добивались офицеры? Никто в толпе не знал этого, но все чувствовали: они хотят погубить охотника на бизонов. У каждого из них были на то свои причины. Оба они ненавидели Карлоса. Причина или причины их ненависти возникли недавно, у Робладо даже позже, чем у коменданта. За последний час он заметил нечто такое, что привело его в ярость. Он заметил, как Карлос махнул белым платком, и так как он стоял у скамей, ему было видно, кому предназначалось это «прощай». Изумление, негодование вспыхнули в нем, и он стал разговаривать с Карлосом заносчиво и грубо.

Каким чудовищным ни покажется это предположение, но, сорвись охотник с утеса, оба – и Робладо и Вискаarra – были бы только рады. Разумеется, это чудовищно, но таковы были там люди в те времена, и в этом нет ничего невероятного. Напротив, подобное варварство – желания и даже поступки еще более бесчеловечные – отнюдь не редкость и сейчас под небом Новой Мексики.

Молодой скотовод, который вместе с другими поднялся на плоскогорье, настаивал, чтобы игра велась честно, по всем правилам. Всего-навсего скотовод, хоть и богатый, он был человек смелый и отстаивал права Карлоса даже наперекор усатым грозным офицерам.

– Послушай, Карлос! – крикнул он, когда приготовления уже шли полным ходом. – Сдается мне, ты готов пойти на это сумасшествие. Раз уж мне не удалось отговорить тебя, я не стану тебе мешать. Но, по крайней мере, не рискуй собой ради такого пустяка. Вот мой кошелек! Спорь на сколько хочешь.

С этими словами он протянул охотнику туго набитый кошелек – как видно, в нем было немало денег.

С минуту Карлос молча смотрел на кошелек. Великодушное предложение обрадовало его. По всему видно было, что он глубоко тронут добротой юноши.

– Нет, – сказал он наконец, – нет, дон Хуан! От всего сердца благодарю тебя, но взять кошелек не могу... Одну монету, не больше. Я хотел бы поставить один золотой против коменданта.

– Бери, сколько хочешь.

– Спасибо, дон Хуан! Только один золотой. И у меня есть один – значит, всего два... Два золотых. Честное слово, никогда еще я не спорил на такие большие деньги!.. Слышите? Бедный охотник бьется об заклад на два золотых!

– Ну ладно, если ты не хочешь, это сделаю я... Полковник Вискаarra! – громко обратился дон Хуан к коменданту. – Я думаю, вы не прочь получить назад свою ставку. Карлос ставит один золотой, а я предлагаю поспорить на десять.

– Согласен, – сухо ответил комендант.

– Решитесь ли вы удвоить ставку?

– Решусь ли я? – повторил Вискаarra в бешенстве, что с ним так разговаривают при свидетелях. – Учетверим ее, если вам угодно, сударь.

– Ладно, учетверим, – тотчас принял вызов дон Хуан. – Спорю на сорок золотых, что Карлос выдержит испытание!

– Хватит! Выкладывайте деньги!

Золотые монеты отсчитаны, вручены одному из свидетелей, выбраны судьи.

Вот уже все приготовления закончены. Зрители отъехали на плоскогорье и предоставили мыс в полное распоряжение охотника на бизонов и его коня.

Глава VII

Люди во все глаза смотрели на Карлоса, следили за каждым его движением.

Прежде всего он спешился, снял плащ и положил его в стороне. Потом осмотрел шпоры и убедился, что ремешки застегнуты как надо. Поправил опоясывавший его шарф, надвинул сомбреро на лоб. От колен и до самых лодыжек застегнул кожаные боковые отвороты своих бархатных штанов, чтобы они не мешали ему. Охотничий нож и хлыст отдал на хранение дону Хуану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.